

УДК 930.85

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-59>

Иностранцы о пародийных театрализованных обрядах в Московии

Валентин Дмитриевич Черный

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
<http://orcid.org/0000-0002-0363-1313>, tchernie@rambler.ru

Аннотация. *Рассматриваются заведомо пародийные театрализованные обряды, преследующие цель опорочить, унижить, осмеять личность конкретного персонажа и уподобить его скomoroxу. Иностранные путешественники в своих сочинениях выделяли два таких эпизода — глумление Ивана Грозного над новгородским епископом Пименом во время налета на Новгород в 1570 г. и инспирированное будущим царем Василием Шуйским изуверское поругание тела Лжедмитрия в 1606 г., выставленного на посмешище на Лобном месте торговой площади в Москве. Во время этих экзекуций использовались элементы из сложившегося к XVI столетию обряда «Шествия на осяти» и традиционных похоронных церемоний с дифференцированным подходом к «правильным» и «неправильным» покойникам. Иноземцы, увидев непосредственно или узнав из вторых рук о такого рода публичных зрелищах, с удивлением, подчас детально описывали происходившее в незнакомой им стране и выражали свое критическое отношение к потрясшим их явлениям. Как правило, они не догадывались об основе пародийных церемоний, имевших под собой не только потехи скomoroxов, но и устойчивые традиции местных обрядов, которые, по мнению бушующей толпы, имели позитивную окраску, связанную с порицанием чего-то несправедливого и несправедливого. Одновременно на восприятие иностранцами конкретных эпизодов русских пародийных зрелищ накладывались ассоциации с библейскими событиями, собственная ментальность и культурные представления. В плане содержания свидетельства иностранцев позволяют воссоздать в общих чертах пародийные театрали-*

зованные обряды с их семантическим подтекстом и театрализованным воплощением.

Ключевые слова: иностранцы, Московия, обряды, зрелища, скomorохи, пародии, театрализация.

Для цитирования: Черный В. Д. Иностранцы о пародийных театрализованных обрядах в Московии // Человек. Культура. Образование. 2023. № 3. С. 59-78. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-59>

Foreigners about Parody Theatrical Rituals in Muscovy

Valentin D. Chernyy

Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia

<http://orcid.org/ORCID:0000-0002-0363-1313>, tchernie@rambler.ru

Abstract. *The article deals with deliberately parodic theatrical rituals aimed at defaming, humiliating, ridiculing the personality of a particular character and likening him to a buffoon. Foreign travelers in their writings singled out two such episodes — the mockery of Ivan the Terrible over the Novgorod bishop Pimen during the raid on Novgorod in 1570 and inspired by the future tsar Vasily Shuisky, the fanatical desecration of the body of False Dmitry in 1606, exposed to ridicule on the Frontal place of the shopping area in Moscow. During these executions, elements from the "Donkey Procession" rite that had developed by the XVI century and traditional funeral ceremonies with a differentiated approach to the "right" and "wrong" dead were used. Foreigners, having seen directly or learned second-hand about such public spectacles, were surprised, sometimes in detail, described what was happening in an unfamiliar country and expressed their critical attitude to the phenomena that shocked them. As a rule, they did not guess about the basis of the parody ceremonies, which had not only the fun of buffoons, but also the stable traditions of local rituals, which, according to the raging crowd, had a positive connotation associated with the censure of something unjust and unfair. At the same time, the perception of foreigners of specific episodes of Russian parody spectacles was superimposed on associations with biblical events, their own mentality and cultural representations. From the point of view of the content, the testimonies of foreigners allow us to recreate in general terms parody theatrical rituals with their semantic subtext and theatrical embodiment.*

Keywords: foreigners, Muscovy, rituals, spectacles, buffoons, parodies, theatricalization

For citation: Chernyy V. D. Foreigners about Parody Theatrical Rituals in Muscovy. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2023; 3:59–78 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-59>

Введение. После восстановления в конце XV в. единого государства, прозванного в Европе Московией, в его города, прежде всего в Москву и Новгород, хлынул поток иностранцев, стремившихся наладить выгодные для них контакты [1, с. 254–255]. Для путешественников, выполнявших дипломатические, торговые, миссионерские и иные поручения, устраивались торжественные приемы, им были доступны многочисленные уличные зрелища, посвященные великокняжеским, позже царским, выездам. Гостей приглашали на массовые религиозные торжества, а иногда и на дворцовые пиры. Свидетелями некоторых зрелищ иностранцы становились случайно. Это в первую очередь относилось к острому политическому конфликту Москвы и Новгорода в 1569–1570 гг. и расправе в 1606 г. с Лжедмитрием I. Тогда в ходе так называемых торговых казней, помимо телесных наказаний, использовались и другие способы публичного поругания виновных. Таким «казням» была придана видимость законности, поскольку это понятие было включено в Судебники конца XV–XVI вв. [2, с. 135–138]. Именно так можно истолковать расправу царя Ивана Грозного над новгородцами, включая местного архиепископа Пимена, заподозренного в измене, а также уже в Смуту поругание тела Лжедмитрия I, убитого во время московского бунта.

Эти эпизоды, детально рассмотренные в исторической литературе, практически не истолковывались с точки зрения обрядовой пародийной театрализации. Исключением можно считать замечание Г. М. Коваленко по поводу издевательств царя над новгородским епископом, посаженным на коня задом наперед и тем самым уподобленным скомороху. Само же это действие было расценено как «театрализованное представление», пародировавшее христианский ритуал «Шествие на осляти» [3, с. 21–22]. Специальных же исследований о пародийных театрализованных обрядах русского Средневековья еще не было.

Цель данной статьи — рассмотреть описание пародийных обрядов, увиденных иностранцами в России, и определить связи этих публичных зрелищ с традиционными церемониями, выявить способы театрализации и семантику таких «представлений».

Методы исследования, теоретическая база. Основным объектом исследования являются сочинения иностранцев о России XVI–XVII вв., называемой ими Московией. Как представители иной культуры, зарубежные авторы чаще всего видели только внешнее проявление пародийных обрядов, не связывая их с особыми традициями местного народного «карнавала», проводниками которых были скоморохи [4, с. 164]. Не чужды были театрализации своих игровых перевоплощений, но уже со своих позиций, и представители власти, активно боровшиеся со скоморохами [5, с. 25–35]. Таким образом, взгляды иноземцев, скоморохов и властей представляли три ментальности со своим пониманием сути такого рода зрелищ, анализ которых требовал дифференцированного подхода к их особенностям. По этой причине метод изучения пародированных театрализованных обрядов можно определить как комплексный, включающий элементы типологического, структурно-функционального, семиотического и культурологического осмысления этого феномена. М. М. Бахтин в своем основополагающем труде о народной смеховой культуре выделяет три ее основных вида, первым из которых назвал «обрядово-зрелищные формы» [6, с. 9]. Одновременно основоположник направления изучения смеховой средневековой культуры признавал, что «организованные на смеховом начале и освященные традицией обрядово-зрелищные формы были распространены во всех странах средневековой Европы» [6, с. 9]. Однако на русской почве эта форма обрела свою специфику.

О пародийной театрализации сцены с архиепископом новгородским Пименом, «поставленной» Иваном Грозным, можно судить по целому ряду описаний иностранных авторов, прежде всего немцев, находившихся в то время на русской службе. Все они могли быть свидетелями этого события. Элерт Крузе и Иоганн Таубе уже в заголовке своего сочинения отметили, что «сами видели,

слышали и испытали», о чем повествуют [7, с. 8]. Участником новгородского похода с высокой степенью вероятности был опричник Генрих фон Штаден, впрочем, не сообщивший подробностей об издевательствах над архиепископом [8, т. 1, с. 115]. Наиболее словоохотливым оказался Альберт Шлихтинг, служивший переводчиком личного врача царя и, несомненно, сопровождавший в этом походе Ивана IV. Именно ему принадлежит самый подробный рассказ о театрализованном унижении Пимена, заподозренного в «заговоре и измене» [9, с. 31]. По свидетельству Шлихтинга, Иван Грозный уподобил архиепископа скомороху на шутовской свадьбе, он велел «стащить с его головы тиару, которую тот носил, ...все епископское облачение», усадив его на лошадь («жену»), к которой привязали его ноги, снабдил лирой «со струнами» и отправил в Московию, таким образом нанес ему «бесчестие и позор». Сорванную с владыки Пимена шапку финский епископ Павел Юстин, думается, не без оснований называет «белым клобуком» [10, с. 43–44], знак церковного главенства, которым так гордились в Новгороде [11, с. 393–437]. Сходным образом, но с некоторыми уточнениями, передали в своем тексте картину ревоплощения архиепископа в скомороха Крузе и Таубе. По их версии, царь посадил Пимена на белую кобылу, «дав ему в одну руку русские гусли, а в другую дурацкую палку, и приказал в таком виде привести его к себе». Палка, надо полагать в насмешку, должна была заменить епископский посох. Как свидетельствуют эти авторы, «то же самое совершил он со многими тысячами священников, игуменов, купцов и ремесленников» [7, с. 50].

Интерес к этому эпизоду новгородского разгрома сохранялся у иностранцев и в последующее время. Можно сказать, по горячим следам карательного похода царя на Великий Новгород в 1578 г. был опубликован труд итальянца Александра Гваньини, служившего польскому королю. Этот труд включил «Описание Московии» с эпизодом, касающимся сцены с нанесением Пимену «несказанного бесчестия и позора». Во многом повторяя версию Шлихтинга, он уточнил в деталях его рассказ об унижении владыки. Свое повествование он дополнил описанием вида кобылы, названной «брюха-

той», перечнем широкого набора музыкальных инструментов, на которых было предложено играть опальному архиепископу, отправленному в Москву в «труппу гитаристов», и водить медведя [12, с. 117].

Следуя свидетельствам своих предшественников, но с ценным уточнением пересказал историю унизительного пародийного обряда с новгородским владыкой лютеранский священник из Литовского княжества Павел Одерборн. Он один написал, что епископ был посажен на лошадь «постыдным образом», т. е. задом наперед, и под крики глашатая провезен по городу [13, с. 19]. Такой способ посадки на лошадь наказуемого вполне вероятен, ведь так же Иван Грозный обошелся и с опальным митрополитом Филиппом Колычевым, «сорвав с него святительские одежды и посадив «вола опоко», т. е. *задом наперед*» [14, с. 327].

Таким образом, судя по информации иностранных источников, в ритуальном публичном наказании владыки фигурировали два основных пародийных компонента — свадебная тема и способ необычного проезда Пимена на лошади по городским улицам. Обе эти темы связаны с процессом принудительного перевоплощения иерарха в его противоположность — скомороха. Основные признаки такого перевоплощения проявлялись и в смене епископского облачения с «тиарой» (здесь — белого клобука или митры) на лохмотья, а роскошного посоха — на палку. Его совсем не так, как он шествовал обычно, усаживают нелепо на лошадь задом наперед, да еще со связанными ногами. В то время, как в торжественных случаях, в частности в Вербное воскресенье, при проведении обряда «Шествие на осляти», появившегося в Новгороде предположительно еще в конце XV столетия [15, с. 318], все выглядело совершенно иначе. Обряд был построен «по образу и подобию» сюжета «Вход Иисуса Христа в Иерусалим», где главное духовное лицо, судя по христианским иконам, восседал боком на белой лошади с муляжом ослиных ушей на ее голове, которую в Новгороде вел под уздцы воевода (в Москве сам царь) [16, с. 106–111]. Эта многолюдная церемония наделялась в России исключительной

сакральной значимостью. Считалось, что, пропустив ее, совершишь «смертный грех и никогда не будешь в раю» [17, с. 458].

Устойчивые традиции «Шествия на осляти» в Новгороде связываются с именем архиепископа Геннадия, «егда шествие творя на жребяти и осле к церкви святого Иерусалима» [15, с. 232]. Тот же Геннадий, отталкиваясь от чина шествия в Вербное воскресенье, «разработал сложный ритуал казни своих врагов». По его приказу еретики были одеты в шутовскую одежду и посажены на коней лицом назад, чтобы они видели «уготованный им огонь», и в таком виде проведены по новгородским улицам [18, с. 130]. В отличие от православного обряда шествия, ориентированного на Иерусалим, прочно ассоциировавшегося на Руси с «земным раем» (находившегося, по христианским представлениям, на Востоке), участники шутовского шествия должны были смотреть на запад, конечную точку бытия и место Страшного суда. Разумеется, начитанный Иван Грозный, склонный к постановочным театрализованным зрелищам [5, с. 25–35], не преминул изощренно унизить и осмеять своего предполагаемого врага, новгородского владыку Пимена. Форме, сложившейся к этому времени театрализованной христианской церемонии, приуроченной к Вербному воскресенью, Иван Грозный противопоставил своеобразный антипод, поместив пародийную процессию в атмосферу народной свадьбы, главную роль в которой играли скоморохи. Вопрос о месте священника и скомороха в процессии, идущей на церемонию венчания, обрел остроту в период правления Ивана IV и даже рассматривался на Стоглавом соборе. На нем констатировали нелепость ситуации, когда подходящих к церкви венчаться возглавляет не священник, а скоморохи со своими «бесовскими» песнями и играми [19, с. 124–130].

Таким образом, вместо выполнения почетной миссии на официальных церковных шествиях новгородскому епископу пришлось предстать перед публикой в совершенно иной ипостаси. Он, обряженный скоморохом, вынужден был двигаться неестественным образом в противоположную от праведной цели сторону, погруженным в атмосферу хаоса ярмарочного спектакля.

Черты пародии на похоронный обряд и карнавальная вакханалия у тела покойного проступают в описаниях иностранцев по смертным действиям москвичей в 1606 г. вокруг убитого Лжедмитрия I. Авторами этих заметок были преимущественно очевидцы или современники этого события.

В ряде сочинений сообщалось о намерении схваченного бунтовщиками Лжедмитрия выступить на Лобном месте перед подданными, чтобы подтвердить свои законные права на русский престол. Об этом, в частности, писал немецкий проповедник Мартин Бер, проживший в Москве с 1600 г. более 12 лет. Он с сочувствием отнесся к только что поверженному правителю Московии. По его мнению, именно так евреи в свое время надругались над Христом [20, с. 62–63]. Ту же мысль, но выраженную другими словами, высказал немецкий лютеранский пастор Конрад Буссов: «Они разыграли с бедным Димитрием действо о муках страстных нисколько не хуже, чем евреи с Иисусом Христом» [21, с. 65]. Сравнение нельзя считать случайным, поскольку Лобное место, упомянутое в Библии, означало Голгофу, на которой был распят Христос («И егда приидоша на место, нарицаемое Лобное, ту распяша его...» — Ев. От Иоанна: 23:43). Однако на «московскую Голгофу» Лжедмитрий попал только мертвым и уже в преображенном, пародийном виде. Буссов не только описал сцену поругания Лжедмитрия, но и привел слова его участников. С убитого «содрали... царское платье и надели на него грязный кафтан пирожника»; один говорил другому: «Смотрите, каков царь всея Руси», другой говорил: «Такой царь есть у меня дома на конюшне» [21, с. 66]. Лишив самозванца царского одеяния, имевшего ярко выраженный социальный признак, и обрядив в обноски низших слоев общества, его, расстригу, как бы вернули в исходное состояние. Только после этого, уже мертвого, его в насмешку притащили на Лобное место. Некоторые очевидцы утверждали, что на торговой площади тело убитого было уже голым [22, с. 171; 23, с. 184; 24, с. 427; 25, с. 231]. Лжедмитрия уложили на стол, а его любимчика Петра Басманова — на лавку так, чтобы ноги самозванца лежали на его груди [20, с. 73], в чем угадываются признаки специальной театрализован-

ной постановки. По версии, изложенной немецким священником Матвеем Шаумом, ноги Лжедмитрия и Басманова даже связали вместе («нога об ногу»), «в знак, что они были верные сотрудники в делах своих» [26, с. 14]. Голое тело бывшего правителя России специально выставили на площади для всеобщего осмеяния («чтобы каждый мог смеяться над ним») и даже приставили к нему стражу [27, с. 225].

На следующем этапе началось «превращение» трупа бывшего «государя» с непомерными амбициями в скomorоха. О его гоноре сообщает, в частности, шведский дипломат Петр Петрей: «Он так был горд, самолюбив и надменен, что, подобно Александру Великому, требовал к себе уважения от своих служителей и подданных, приличного не императору, королю и государю, а Богу» [17, с. 315]. В назидание за его гордыню и прижизненное лицедейство на него и возложили маску, о чем написал чуть ли не каждый очевидец. Маску на трупе характеризуют как «безобразную» и «бесстыдную» [28, с. 347] или «отвратительную» [29, с. 13; 30, с. 228]. Так иностранцы называли маски с образами демонов [31, с. 232].

Голландский купец Исаак Масса пишет сразу о нескольких масках, найденных в покоях Марины Мнишек и принесенных к телу Лжедмитрия, изначально приготовленных для очередного маскарада. Масса считал, что «московитам не было ведомо, что это такое, и они не разумели [назначения] подобных предметов, и были твердо уверены, что то боги, коим он поклонялся» [32, с. 141]. Петрей сообщает о некоем дворянине, привезшем с собой из Кремля маскарадное платье и волынку, которые бросил на живот расстриги, а в рот ему вложил дудку [17, с. 315]. Буссов повышает статус человека, приехавшего из Кремля с маской и волынкой, называя его боярином [21, с. 74]. Организатором же посмертного «карнавала» для Лжедмитрия был не кто иной, как будущий царь, о нем прямо сообщает проникательный Маржерет. Вакханалия у тела должна была продолжаться три дня, «пока... глава заговора Василий Иванович Шуйский, тот, о ком мы столько говорили, не был избран императором» [22, с. 171]. В течение этих трех-четырех («до четвертого дня») дней «ежедневно большое число мужчин и

женщин приходили смотреть на сие радостное зрелище» [33, с. 478]. Другие авторы отмечали: «множество мужчин и женщин наслаждались этим ужасным зрелищем» [29, с. 13], третьи видели «великое поругание, которое над ними с большой жестокостью чинили, посыпая песком, оплевывая, колотя, обмазывая дегтем, и другую срамоту творили на вечный позор» [34, с. 63]. Бер замечает: «бабы московские, бесстыдно ругаясь над телом Димитрия, поносили царицу такими словами, что и сказать невозможно» [20, с. 73]. Сдержанно, но по существу не противореча приведенным выше словам, оценил отношение людей к телу бывшего царя находившийся на русской службе грек, архиепископ Арсений: «Все, видевшие его, насмехались над ним и называли его преступником, лжецом и расстригою. Позорили его и жестоко насмехались над ним мужнины и женщины, малые и большие» [23, с. 184].

На карнавальные действия вокруг покойника указывает не только разгульное действие толпы, но и повсеместное упоминание в иностранных записках разнообразных музыкальных инструментов, будто бы предложенных мертвому Лжедмитрию. Здесь фигурировали дудка и волынка, подобная тем, которые используют польские крестьяне [30, с. 228]. Последняя на Руси была не столь популярной, как в Европе, но ее упоминание иностранцами среди возложенных предметов к телу имеет глубокий смысл. Дело в том, что «по средневековым поверьям, дьявол охотно пользуется волынкой, которую сам же и изобрел» [31, с. 391].

Такое своеобразное «музыкальное сопровождение» должно было усилить оформление сцены жестокого осмеяния уже поверженного самозванца. Для какой цели положили около него музыкальные инструменты? Иностранцы улавливали отдельные нюансы такого игрового сценария, полагая, что инструменты и монета даются Лжедмитрию как оплата за музицирование и позволяют ждать, «что он сыграет им за сии деньги» [33, с. 478–479]. Сходное истолкование данных деталей отразилось и в записках Бера и Буссова о фразе, которую будто бы изрек некий боярин. По Беру, она звучала примерно так: «Долго мы тешили тебя, курвин сын и обманщик! Теперь сам нас позабавь!» [20, с. 73], а по Буссову не-

сколько иначе: «Ты, сукин сын и обманщик земли нашей, достаточно долго заставлял нас свистеть для тебя, посвисти же разок теперь и ты для нас» [21, с. 74]. С некоторыми вариациями, но, по сути, также о назначении музыкального инструмента написали неизвестный англичанин [35, с. 66], Ту [28, с. 347] и некоторые другие авторы записок, как бы удостоверяя, что публика, собравшаяся на торговой площади, видела в нем не царя, а скомороха.

Варианты использования монеты (здесь — «динария») приводит шведский хронист Петр Патерсон, писавший о России в начале XVII в., опираясь на свои источники. В данном случае динарий предназначался «для награждения музыкантов или, как говорили другие, это была монета, которую он (Лжедмитрий) должен был заплатить за провоз в ад...» [30, с. 228]. Такой путь самозванца в загробном мире, как бы ему предназначенный, противопоставлен судьбе праведных покойников. Английский дипломат Джайлс Флетчер, побывавший в России в конце XVI в., писал о «множестве суеверных и языческих обрядов», бытовавших в то время. В качестве примера он упоминал о письме, которое вкладывалось в руки усопшего, адресованном святому Николаю, признававшемуся на Руси главным заступником и стражем врат Царствия Небесного [36, с. 151]. Подробнее о подготовке покойного в мир иной сообщил Аксель Гюльденстиерне, член датского посольства 1602 г. в Москве. Он писал об обувании умершего «русскими красными башмаками», укрытии полотном, «жертвуемом царицей», к которому «пришивается записка по-русски нижеследующего содержания: “Иисус Христос, святой Николай, молитесь Бога, чтобы Он принял этого” (мужчину или женщину)» [37, с. 63].

Манипуляции с телом Лжедмитрия были противопоставлены «правильным». По данным Маржерета, русские «никогда не оставляют покойников на сутки, будь то Государь или раб... надевают новую рубаху, гетры, туфли наподобие тапок и колпак» [22, с. 130–131]. Лжедмитрий же оставался непогребенным 3–4 суток и лежал на Лобном месте голым. Вместе с тем отношение к покойному зависело от его образа жизни и обстоятельств смерти [38, с. 166]. Современники порицали образ жизни Лжедмитрия, несхожий с

русскими традициями, его самозванство. Уже одна насильственная смерть незаконного государя позволяла причислить его к так называемым нечистым покойникам, а по научной терминологии «заложным» [39, с. 116–124], а его остальные прижизненные поступки только усугубляли прегрешения. Все это объясняет готовность толпы присоединиться к поруганию уже неживого Лжедмитрия. Его принадлежность к «заложным» покойникам в глазах современников подтверждается последующей историей. Сначала новый царь, Василий Шуйский, велел самозванца «зарыть за городом у большой дороги», но, когда вслед за его погребением наступили небывалые холода, погубившие «все хлеба, деревья и даже траву на полях, ... Дмитрия вырыли, сожгли и обратили в пепел» [22, с. 172]. Это вполне согласуется с мнением ученых, что «тела заложных не принимает земля и они не подвержены тлению до сих пор, пока преждевременно усопший не доживет за гробом положенного ему века (70 лет) и не умрет естественной смертью» [39, с.43–46]. Поэтому в средневековый период существовала практика изымания таких тел из гробов для сожжения [38, с.163]. Именно так, по устоявшейся традиции, и поступили с телом Лжедмитрия.

Результаты исследования и их обсуждение. Судя прежде всего по информации иностранных авторов, причиной пародийных действий над новгородским архиепископом Пименом и Лжедмитрием стали политические конфликты, спровоцированные в первом случае Иваном Грозным, а во втором — претендентом на царский престол Василием Шуйским. В ходе этих действий посредством подмены атрибутов, указывавших на статус персонажа, на нем появлялись аксессуары скомороха, менялся вектор его движения с праведного на «бесовской» и семантика действия. Сами приемы осмеяния относятся к низовым формам культуры с «карнавальным развенчанием», сопровождавшимся руганью, побоями и даже осмеянием покойника [6, с. 9–11]. Вместе с тем в рассмотренных пародийных обрядах отсутствует характерное для карнавальной культуры «перевертывание» мест «короля и шута», отмеченное М. М. Бахтиным [6, с. 411]. Причина отсутствия такого перево-

площения объясняется ролью князей в организации этих пародийных действий. Данное обстоятельство указывает на необходимость при изучении смеховой культуры различать и учитывать стандартный набор устоявшихся пародийных форм, использованных на протяжении столетий, и «заказных», осуществляемых для решения политических вопросов.

Заключение. Таким образом, проанализировав описание иностранцами пародийных обрядов в России, можно считать рассмотренные сюжеты особым типом пародий, режиссура которых осуществлялась сверху. Смысл осуществления таких действий подчинялся замыслу инициаторов зрелищ — развенчать и унижить политических противников московского престола, создать наглядное представление о неправомерности и незаконности их статуса и действий.

Чтобы пародийный обряд обрел зрелищность и назидательность, в него вовлекали как можно больше зрителей и непосредственных участников этой формы публичных церемоний. Иллюзия ее привычности достигалась сочетанием элементов знакомых широкому слою населения церковных уличных обрядов и ушедших в глубокую древность разнообразных игрищ скоморохов. Для придания зрелищам внешней привлекательности использовались специальные эффекты в виде потешных костюмов, невероятных поз и способов передвижения, пародирующих и осмеивающих наказуемых. Не последнюю роль в оформлении пародийных обрядов играли музыкальные инструменты, причисляемые к бесовским забавам, признаваемых властью незаконными. В данных пародийных обрядах даже музыкальные инструменты становились маркерами принадлежности их владельца к иному, неправомерному миру, достойному поругания.

Список источников

1. Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М.: Наука, 1980. 293 с.

2. Федорова А. Н. Торговая казнь как мера юридической ответственности по судебникам XV–XVI вв. // Вектор Тольяттинского государственного университета. Серия: юридические науки. 2011. № 4 (7). С. 135–138.
3. Коваленко Г. Великий Новгород в иностранных сочинениях. XV – начало XX века. М.: Ломоносов, 2016. 208 с.
4. Белкин А. А. Русские скоморохи. М.: Наука, 1975. 192 с.
5. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.
6. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
7. Таубе И., Крузе Э. Великого князя Московского неслыханная тиранья вместе с другими поступками, совершенными им с 66-го по 72-й год, в то время бывшими его советниками, обстоятельно, как они сами видели, слышали и испытали... господину Иоанну Хоткевичу в особую честь / вступ. ст., пер. по рукописи с нем. М.Г. Рогинского; предисл. Ю.В. Готье // Русский исторический журнал. 1922. № 8. С. 8–59.
8. Штаден Генрих. Записки о Московии / публ. нем. текста: Е.Е. Рычаловский; пер.: С. Н. Фердинанд; ред. пер.: Е. Е. Рычаловский при участии А. Л. Хорошкевич :в 2 т. Т. 1: Публикация. М.: Дрвлекхранилище, 2008. 582 с.; Т. 2: Статьи и комментарии. М.: Дрвлекхранилище, 2009. 587 с.
9. Шлихтинг А. Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича // Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга / пер. по рукописи, предисл., ред. и примеч. А. И. Малеина. 4-е изд., доп. и испр. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 15–96.
10. Юстен П. Посольство в Московию 1569–1572 гг. = Matka moskovaan 1569–1572 / сост., вступ. ст., коммент., указ.: Г. М. Коваленко; пер. с фин. Л. Э. Николаева. СПб.: Балт. информ. центр БЛИЦ, 2000. 211 с.
11. Кириллин В. М. «Повесть о новгородском белом клобуке»: время происхождения и соотношение первых редакций // Герменевтика древнерусской литературы. М.: Прогресс-Традиция, 2004. Вып. 11. С. 293–437.
12. Гваньини Александр. Описание Московии / пер. с латин., ввод. ст. и коммент. Г. Г. Козловой. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997. 172 с.
13. Тиран и заступник: Два взгляда иностранцев на Россию 1585 года // Родина. 2004. № 12. С. 18–22.
14. Успенский Б. А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Языки русской культуры, 1994. Т. 1. С. 320–332.
15. Опущенников Г., Беликов М. (протоиерей). Чин шествия на осляти: история и последование // Труды Саратовской духовной семинарии. Саратов: Изд-во Саратовской митрополии, 2018. Вып. 12. С. 312–339.

16. Стенникова П. А. Отечественная историография церковно-театрализованного действия «Шествие на осляти» // Культура и искусство в памятниках и исследованиях : сб. науч. тр. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. Вып. 2. С. 106–111.
17. Петрей П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии: Исаак Масса, Петр Петрей. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 151–464.
18. Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 544 с.
19. Ляховицкий Е. А. Скоморохи и священники в свадебном обряде в изображении Стоглава // Вестник Удмуртского университета. Серия: История. 2006. № 7. С. 124–130.
20. Бер М. Летопись московская // Сказания современников о Димитрии Самозванце. СПб.: Тип. имп. АН, 1859. Ч.1. С. 1–143.
21. Буссов К. Московская хроника, 1584–1613 // Хроники Смутного времени. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 11–158.
22. Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи) / под ред. Ан. Береловича, В. Д. Назарова, П. Ю. Уварова. М.: Языки славянских культур, 2007. 552 с.
23. Арсений Елассонский. Мемуары из русской истории // Хроники смутного времени. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 163–204.
24. Борша С. Поход московского царя Димитрия в Москву с сендомирским воеводой Юрием Мнишком и другими лицами из рыцарства 1604 года // Русская историческая библиотека. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 366–427.
25. Геркман Э. Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском // Хроники Смутного времени. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 211–262.
26. Шаум М. Tragoedia Demetrio Moscovitica. История достопамятных происшествий, случившихся с ЛжеДимитрием, и о взятии шведами Великого Новгорода. Сочинение Матвея Шаума 1614 года / публ., предисл., комм. М. Оболенского // ЧОИДР. 1847/ 1848. Год третий. № 2. Отд. 3. С. I–III, 1–28.
27. Велевицкий Я. Дневник // Иностранцы о древней Москве: Москва XV–XVII веков / сост. М. М. Сухман. М.: Столица, 1991. С. 219–226.
28. Ту Ж.О. де. Сказания о Димитрии Самозванце / пер. с латин., предисл. и примеч. Н. Г. Устрялова // Сказания современников о Димитрии Самозванце. 3-е изд., испр. СПб., 1859. Ч. 1. С. 319–353, 453–457.
29. Руссель В. Московская резня 1606 года // Русский заграничный сборник (Часть 3, тетрадь 4). Berlin; Paris; London, 1959. 40 с.
30. Патерсон П. // Иностранцы о древней Москве (Москва XV–XVII веков). М.: Столица, 1991. С. 227–228.

31. Даркевич В. П. Светская праздничная жизнь Средневековья IX—XVI вв. Изд. 2-е, доп. М.: Индрик, 2006. 432 с.

32. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. / пер., примеч. и вводная ст. А. А. Морозов; ред. Н. Рубинштейн. М.: Соцэкгиз, 1937. 206 с.

33. Легенда о жизни и смерти Димитрия, последнего великого герцога Московского // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1840. Т. 25. № 100. 1840. С. 462–490.

34. Рожнятовский А. Дневник Марины Мнишек / пер. и вступ. ст., с. 5–21 В. Н. Козлякова; комм. В. Н. Козлякова, А. А. Севастьянова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. 199 с.

35. Английский источник о правлении и гибели Лжедмитрия // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М.: АН СССР, 1991. С. 45–75.

36. Флетчер Дж. О государстве русском / пер. кн. М. А. Оболенского. М.: Захаров, 2002. 168 с.

37. Гюльденштерне А. Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвиг-Голштинского в Москву. 1602 г. / пер. по рукописи с датск.; публ. Ю. Н. Щербачева // ЧОИДР. 1911. Кн. 3 (238). Отд. 2. С. 1–63.

38. Грузнова Е. Б. Похоронные обычаи на Руси в конце XV–XVI вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2005. Вып. 3. С. 153–170.

39. Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественною смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 430 с.

References

1. Horoshkevich A. L. *Russkoe gosudarstvo v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij konca XV — nachala XVI v.* [The Russian state in the system of international relations of the late XV — early XVI century]. Moscow: Nauka, 1980. 293 p. (In Russ.).

2. Fedorova A. N. Commercial penalty as a measure of legal responsibility according to the law courts of the 15th-16th centuries. *Vektor Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: yuridicheskie nauki* [Vector of Togliatti State University. Series: legal sciences], 2011, no 4 (7), pp. 135–138. (In Russ.).

3. Kovalenko G. *Velikiy Novgorod v inostrannykh sochineniyah. XV — nachalo XX veka* [Veliky Novgorod in foreign writings. XV — beginning of XX century]. Moscow: Lomonosov, 2016. 208 p. (In Russ.).

4. Belkin A. A. *Russkie skomorohi* [Russian buffoons]. Moscow: Nauka, 1975. 192 p. (In Russ.).

5. Lihachev D. S., Panchenko A. M., Ponyrko N. V. *Smekh v Drevnej Rusi* [Laughter in Ancient Rus']. Leningrad: Nauka, 1984. 295 p. (In Russ.).

6. Bahtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. 2-e izd. Moscow: Hudozh. lit., 1990. 543 p. (In Russ.).
7. Taube I., Kruze E. Unheard of tyranny of the Grand Duke of Moscow, along with other deeds committed by him from the 66th to the 72nd year, at that time his former advisers, in detail, as they themselves saw, heard and experienced ... to Mr. John Khotkevich in special honor / [Introduction. st., trans. by manuscript with him. M.G. Roginsky; foreword Yu. V. Gauthier]. *Russkij istoricheskij zhurnal* [Russian Historical Journal], 1922, no 8, pp. 8–59. (In Russ.).
8. Shtaden Genrih. *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovy] / Publ. nem. teksta: E. E. Rychalovskij; per.: S. N. Ferdinand; red. per.: E. E. Rychalovskij, pri uchastii A. L. Horoshkevich. V 2 t. vol. 1: Publikaciya. Moscow: Drevlekhranilishche, 2008. 582 p.; vol. 2: Stat'i i kommentarii. Moscow: Drevlekhranilishche, 2009. 587 p. (In Russ.).
9. Shlihting A. Brief Tale of the Character and Cruel Rule of the Moscow Tyrant Vasilyevich. "The Tale" of Albert Schlichting / Per. according to the manuscript, foreword, ed. and note. A.I. Malein. *Novoe izvestie o Rossii vremeni Ivana Groznogo. «Skazanie» Al'berta SHlihtinga* / Per. po rukopisi, predisl., red. i primech. A. I. Maleina [New News about Russia in the Time of Ivan the Terrible]. 4-e izd., dop. i ispr. Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1934, pp. 15–96. (In Russ.).
10. Yusten P. *Posol'stvo v Moskoviyu 1569-1572 gg.* = Matka moskovaan 1569-1572 [Embassy to Muscovy 1569-1572] / Pavel Yusten; [Sost., vstup. st., komment., ukaz.: G. M. Kovalenko]; Per. s fin. L. E. Nikolaeva. St. Petersburg: Balt. inform. centr BLIC, 2000. 211 p. (In Russ.).
11. Kirillin V. M. "The Tale of the Novgorod White Klobuk": the time of origin and the ratio of the first editions. *Germenevtika drevnerusskoj literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Moscow: Progress-Tradiciya, 2004. Vyp. 11, pp. 293–437. (In Russ.).
12. Gvan'ini Aleksandr. *Opisanie Moskovii* / Per. s latin., vvod. st. i komment. G. G. Kozlovoj [Description of Muscovy]. Moscow: Greko-latinskij kabinet Yu. A. Shichalina, 1997. 172 p. (In Russ.).
13. Tyrant and protector: Two views of foreigners on Russia in 1585. *Rodina*. [Motherland], 2004, no 12, pp. 18–22. (In Russ.).
14. Uspenskij B. A. *Anti-povedenie v kul'ture Drevnej Rusi Izbrannye trudy. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* [Anti-behavior in the culture of Ancient Rus' Selected works. Semiotics of history. Semiotics of culture]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 1994, vol. 1, pp. 320–332. (In Russ.).
15. Opushchennikov G., Belikov M. (protoierej). The rite of procession on a donkey: history and succession. *Trudy Saratovskoj duhovnoj seminarii* [Proceedings of the Saratov Theological Seminary]. Saratov: Izd-vo Saratovskoj mitropolii, 2018, vyp. 12, pp. 312–339. (In Russ.).

16. Stennikova P. A. Domestic historiography of the church-theatrical action "Procession on a Donkey". *Kul'tura i iskusstvo v pamyatnikah i issledovaniyah: Sb. nauch. tr.* [Culture and Art in Monuments and Research: Sat. scientific tr.]. Chelyabinsk: Izd-vo YUUrGU, 2003, vyp. 2, pp. 106–111. (In Russ.).

17. Petrej P. History of the Grand Duchy of Moscow. *O nachale vojn i smut v Moskovii: Isaak Massa, Petr Petrej* [On the beginning of wars and unrest in Muscovy: Isaac Massa, Peter Petrey]. Moscow: Fond Sergeya Dubova, 1997, pp. 151–464. (In Russ.).

18. Kazakova N. A., Lur'e Ya.S. *Antifeodal'nye ereticheskie dvizheniya na Rusi XIV — nachala XVI veka* [Anti-feudal heretical movements in Rus' in the 14th — early 16th centuries]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1955. 544 p. (In Russ.).

19. Lyahovickij E. A. Buffoons and priests in the wedding ceremony in the image of Stoglav. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Bulletin of the Udmurt University. Series: History], 2006, no 7, pp. 124–130. (In Russ.).

20. Ber M. [Letopis' moskovskaya]. *Skazaniya sovremennikov o Dimitrii Samozvance* [Legends of contemporaries about Dimitri the Pretender]. St. Petersburg: Tip. imp. AN, 1859. Part 1, pp. 1–143. (In Russ.).

21. Bussov K. Moscow Chronicle, 1584–1613. *Hroniki Smutnogo vremeni*. [Chronicles of the Time of Troubles]. Moscow: Fond Sergeya Dubova, 1998, pp. 11–158. (In Russ.).

22. Marzheret Zh. *Sostoyaniye Rossiyskoy imperii* [State of the Russian Empire. J. Margeret in documents and research: (Texts, comments, articles)] / Ed. An. Berelovich, V. D. Nazarova, P. Yu. Uvarov. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007. 552 p. (In Russ.).

23. Arsenij Elassonskij. Memoirs from Russian history. *Hroniki smutnogo vremeni* [Chronicles of the Time of Troubles]. Moscow, Fond Sergeya Dubova, 1998, pp. 163–204. (In Russ.).

24. [Borsha S.]. The campaign of the Moscow Tsar Dimitri to Moscow with the Sandomir governor Yuri Mnishk and other persons from the knighthood of 1604 *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. St. Petersburg, 1872, vol. 1. Stb. 366–427. (In Russ.).

25. Gerkman E. The historical narrative of the most important troubles in the Russian state. *Hroniki Smutnogo vremeni* [Chronicles of the Time of Troubles]. Moscow: Fond Sergeya Dubova, 1997, pp. 211–262. (In Russ.).

26. Shaum M. Tragoedia Demetrio Moscovitica. The history of memorable incidents that happened to False Demetrius, and about the capture of Veliky Novgorod by the Swedes. Matthew Shaum's work of 1614 / [Publ., preface, comm. M. Obolensky]. *CHOIDR*. 1847/ 1848. God tretij. № 2. Otd. 3, pp. I–III, 1–28. (In Russ.).

27. Velevickij Ya. [Diary]. *Inostrantsy o drevney Moskve: Moskva XV–XVII vekov* [Foreigners about ancient Moscow: Moscow XV–XVII centuries] / Comp. M. M. Sukhman. Moscow: Stolica, 1991, pp. 219–226. (In Russ.).

28. Tu Zh. O. de. Tales of Demetrius the Pretender / [Trans. from Latin, preface and note. N.G. Ustryalova]. *Skazaniya sovremennikov o Dimitrii Samozvance* [Tales of contemporaries about Dimitri the Pretender]. 3-e izd., ispr. St. Petersburg, 1859. Ch. 1, pp. 319–353, 453–457. (In Russ.).

29. [Russel V.] Moscow massacre of 1606. *Russkij zagranichnyj sbornik (Chast' 3, tetrad' 4)* [Russian foreign collection (Part 3, notebook 4)]. Berlin; Paris; London, 1959. 40 p. (In Russ.).

30. [Paterson P]. *Inostrancy o drevnej Moskve (Moskva XV-XVII vekov)* [Foreigners about ancient Moscow (Moscow XV-XVII centuries)]. Moscow, Stolica, 1991, pp. 227–228. (In Russ.).

31. Darkevich V. P. *Svetskaya prazdnichnaya zhizn' Srednevekov'ya IX–XVI vv. Izd. 2-e, dop.* [Secular festive life of the Middle Ages of the IX–XVI centuries]. Moscow: Indrik, 2006. 432 p. (In Russ.).

32. Massa I. *Kratkoe izvestie o Moskovii v nachale XVII v.* [Brief news about Muscovy at the beginning of the 17th century / [trans., note. and introductory article. A. A. Morozov; ed. N. Rubinstein]. Moscow: Socekgiz, 1937. 206 p. (In Russ.).

33. The legend of the life and death of Demetrius, the last Grand Duke of Moscow. *Zhurnal dlya chteniya vospitannikam voenno-uchebnyh zavedenij* [A magazine for reading to students of military educational institutions], 1840, vol. 25, no 100, pp. 462–490. (In Russ.).

34. [Rozhnyatovskij A.] *Dnevnik Mariny Mnishek* [Diary of Marina Mnishek / Per. [and intro. Art., p. 5–21] V. N. Kozlyakova; [Comments by V. N. Kozlyakov, A. A. Sevastyanov]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1995. 199 p. (In Russ.).

35. English source on the reign and death of False Dmitry. *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR dooktyabr'skogo perioda* [Studies in source studies of the history of the USSR in the pre-October period]. Moscow, AN SSSR, 1991, pp. 45–75. (In Russ.).

36. Fletcher Dzh. O gosudarstve russkom [About the Russian State] / [transl. book. M. A. Obolensky]. Moscow: Zaharov, 2002. 168 p. (In Russ.).

37. Gyul'denstierne A. Journey of His Princely Grace Duke Hans of Schleswig-Holstein to Moscow. 1602 / [Trans. according to a Danish manuscript; publ. Yu. N. Shcherbacheva]. *CHOIDR*, 1911, Kn. 3 (238), Otd. 2, pp. 1–63. (In Russ.).

38. Gruznova E. B. Funeral customs in Rus' at the end of the 15th-16th centuries. *History.Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 2], 2005, vyp. 3, pp. 153–170. (In Russ.).

39. Zelenin D. K. *Izbrannye trudy. Oчерки russkoj mifologii: umershie neestvennoyu smert'yu i rusalki* [Selected Works. Essays on Russian mythology: those who died an unnatural death and mermaids]. Moscow: Indrik, 1995. 430 p. (In Russ.).

Сведения об авторе / Information about the author

Черный Валентин Дмитриевич

Valentin D. Chernyy

доктор культурологии, профессор,
Российский государственный гума-
нитарный университет, Москва,
Россия

Doctor of Culture Studies, Professor of
Russian State Humanitarian University,
Moscow, Russia

125047, Россия, Москва, Миусская
площадь, д. 6.

6 Miuskaya Square, Moscow, 125047,
Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

11.01.2023
11.04.2023
23.05.2023